

Уланова
Галина

19/IV-91.

Большой Театр - 1991 - 1991 г. Вспоминается...

Г. УЛНОВА,
народная артистка СССР

Александрина, хореографическое училище на улице Рассы, где был театральный балетный зал и где мы занимались, Мариинка и рядом — консерватория — все это объединяло театральную и музыкальную молодежь.

Художественным руководителем Мариинского театра был в то время Сергей Эрнестович Радлов — очень яркий, широкообразованный человек. Он преподавал в Институте истории искусств, и мы, молодые артисты, недавние выпускники балетной школы, два раза в неделю ходили к нему на занятия. Он давал нам задания как драматическим актерам, и мы разыгрывали эти драмы. Понадобилось время, чтобы мы поняли, как нужны нам были эти занятия.

Директор Александр Васильевич Гаук работал в Мариинском театре и в Филармонии, и, приходя в театр, приглашал нас на репетиции симфонических концертов. Репетиции начинались в 10 часов, класс у нас был позже, и мы успевали послушать музыку. Мы — это небольшая группа артистов: Нина Анисимова, Татьяна Вечеслава, Петр Гусев... Вместе мы пересмотрели все спектакли в Александринке...

В то время я слушала много разной симфонической музыки, может быть, слушала и Прокофьева. Его симфоническая музыка много исполнялась, он пользовался признанием как исполнитель, но не как автор балетов. В Москве, в

лось в образе моей Джулетты.

Первая моя встреча с Сергеем Сергеевичем была очень смешной.

На репетицию «Ромео» пришел высокий, угрюмый на вид мужчина, и Лавровский начал нас всех знакомить: «Сергей Сергеевич Прокофьев». А мне накануне вырвали зуб мудрости, у меня полузавязанная щека — болит, репетировать не могу. Но Прокофьев даже не улыбнулся. Так что первое впечатление — это какой-то страх от встречи с мрачным большим человеком не то в очках, не то в пенсне...

Потом, позже, когда мы уже

репетировали на сцене

третий

акт с

оркестром,

помню,

что Прокофьев

был

в зале.

Мы с Константином Сергеевичем — Ромео сидим на постели Джулетты, музыка еле-еле донесется до нас. Лавровский кричит мне:

— Гали, ты опаздываешь, вставай, уже нужно открывать штору...

— Я не слышу оркестр, Леонид Михайлович, — отвечаю я.

Вдруг голос Прокофьева:

— Вам что, барабаны нужны?

— Так пусть сюда придет Сергей Сергеевич и послушает.

Пришел Сергей Сергеевич, сел про себя, пусть в тебе звучит своя музыка, потом ты привыкнешь...

Будем пробовать, будем экспериментировать...

Лавровский говорил: «Ты пой на сцену, смотри на меня и Сергеевича, слушаю, ничего не сказал нам, вернулся в зал и оттуда уже кричит:

— Я сделаю, что будет слышно.

Следующий раз мы увидели Сергея Сергеевича уже на генеральной репетиции. После ее окончания перед нами был совершенно другой человек: он пришел на сцену взволнованный, улыбка до ушей, не знал, куда кланяться, жал всем руки, был растерян и счастлив. Помню, как после премьеры Сергей Сергеевич приветствовал нас на ужин в «Астории», где остановился, приехав из Моск-

вы. Был очень оживлен, общителен, вел себя как именинник.

А потом театр привез «Ромео» в Москву, на Декаду ленинградского искусства. Нас очень хорошо приняли, прокофьевский спектакль стал потрясением, у нас сложились какие-то теплые отношения с Москвой, с большими художниками, режиссерами, актерами. И нас, молодежь, после этого спектакля, старшие признали и приняли.

— Снегурочку я бы мог, но позже Римского-Корсакова не имею права. Но что-нибудь придумаем. А что, если Золушку?

— Золушка, — отвечаю, — это очень симпатично, и что бы вы ни написали, я теперь знаю, это будет интересно. Давайте Золушку, мне очень нравится эта сказка...

После московского «Ромео» Прокофьев устроил небольшой банкет в старом Доме писателей.

Помню, за мой заехал Николай Эрнестович Радлов: «Идемте, идемте, Гали, посидим вместе, в Москве вы счены понравились». В ресторане — масса людей — знакомых и незнакомых, все приветливо улыбаются. Оркестр засигнал что-то веселое. Сергей Сергеевич подходит ко мне и предлагает: «Гали, давайте потанцуем». Я ему говорю, что не очень-то умею танцевать фокстрот, он уговоривает. Мы начинаем танцевать, все хлопают, а син мне то на одну ногу наступит, то на другую. Я ему говорю:

— Гали, я пишу «Золушку».

— Ну, знаете, поскольку я люблю природу, может, Снегурочку? Но там она зимняя, а мне бы хотелось летнюю...

— Ну, знаете, поскольку я люблю балет, на самом деле он оказался большим добрым ребенком, искренне удивлявшимся всему...

Здесь, в Алма-Ате, Сергей Сергеевич писал не только «Золушку», но и музыку к фильму С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный». Мне горько, что тогда я не оценила предложение Сергея Михайловича сняться в роли Анастасии. Были фотопробы, Сергей Михайлович говорил, что вспомнил «Бахчисарайский фонтан», «Лебединое».

В первом «Фонтане» Гирея со мной танцевал Владимир Канделаки (правда, без верхней поддержки). Как выяснилось, он всю жизнь мечтал танцевать. На спектакли в спертом театре собирались все.

Здесь узнавали новости с фронта, из Москвы и Ленинграда. И здесь все встречались. Ходил на спектакли и Сергей Сергеевич. Потом он говорил: «Я не знал балет. Оказывается, вашу специфику нужно знать». Он смотрел мои спектакли, а потом расспрашивал, почему так, а потом расспрашивал, почему так, а не так. Я ему объясняла многие движения, наше знаменитое балет-

ное «и», говорила, что и у них, композиторов, должно быть это «и»...

И каждый день, когда я входила к Сергею Сергеевичу, он протягивал мне еще не просохшие ноты...

В Алма-Ате в то время кого только не было. Киностудии Ленинграда и Москвы, актеры из разных московских и ленинградских театров. Я там танцевала «Жизель», возобновив ее, «Бахчисарайский фонтан», «Лебединое».

Здесь узнали меня, я не могла уговорить Всю жизнь я не могу простить себе это...

Потом, когда я уже жила в Москве, бывала у С. С. Прокофьева на даче, на Николиной горе. Продолжались наши же не просто рабочие, а какие-то иные, товарищеские отношения. Я его лучше узнала и поняла. Он долгое время жил за границей, его возвращение было трудным. На Родине признание он тогда не получил, все это не могло не сказаться на нем...

Следующая встреча с музыкой Прокофьева произошла уже после войны, в Москве, на репетициях «Золушки» в Большом театре. А потом уже был последний спектакль Прокофьева — «Сказ о каменном цветке». Ставил его Л. М. Ларинский, я танцевала Катерину. Сергей Сергеевич тогда очень бледел, на репетициях не был. В спектакле было много хорошего, интересного, но все это «задушили» декорации — чрезмерно пышные, не оставлявшие места хореографии. Жаль, что так неудачно и несправедливо сложился судьба последнего балета, поставленного при жизни композитора...

Умер Сергей Сергеевич 5 марта 1953 года. Смерть его совпала с смертью Сталина. Прощаться к Дому композитора, на Михайловскую, было невозможно. Непомню, как я уже попала на кладбище, помню березки вокруг вырытой могилы, прощание...

На снимке: художник П. Вильямс, балетмейстер Л. Лавровский и С. Прокофьев в период работы над спектаклем «Ромео и Джулетта».